

Н. Ф. Яковлев

Ингуши

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Ф. Яковлев**
Ингуши / Н. Ф. Яковлев – М.: Книга по Требованию, 2013. – 135 с.

ISBN 978-5-458-31091-8

Содержание книги (написание оригинала сохранено): 1. У ингушей на плоскости: Жилище, пища, правила вежливости и гостеприимства, письменность. 2. Семья и род ("фамилия"): Родственные связи, названия родства, родовой быт и жизнь ингуша: рождение сына, возмужалость, побратимство, брак, разложение рода, похороны. 3. Кровная месть и история нагорной Ингуши: Убийства и месть, мстители и ответчики, "нападение на дом", пени за убийства, пени за ранения, суд посредников, присяги, соучастие в убийстве, право убежища, "охрана труда", пени за кражи, происхождение "плохих" и "хороших фамилий", объединение галгаев, освобождение рабов. 4. Кровная месть в современной Ингуши: Кровная месть и начатки феодализма, кровная месть и разложение рода - её экономическое и политическое значение, комиссия по примирению кровников 1920 г., обряд примирения, "воровские адаты", кровная месть и международное право.

ISBN 978-5-458-31091-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

забывают их мешеряки и мордва в Поволжье, карелы—в Тверской губернии и прочие. Отдельно писать об ингушах тогда, конечно, не стоило бы. Но живут они на Северном Кавказе, где все население дробится на десятки еще более мелких народов. У каждого—особый язык и обычай, которого они пока строго придерживаются. Издавна населяют эти народы свои горы и «плоскость» (как называют на Кавказе равнину около гор), приспособили к ним хозяйство: земледелие и скотоводство. Русские появились здесь позже, число их не так велико, и многому на новых местах они должны были научиться у местных жителей. Поэтому на Кавказе ни один народ не имеет над другими такого перевеса, как русские в Центральной России, и ингуши, по кавказским понятиям,—народ средней величины, приблизительно такой же, как абхазы, нижние черкесы (адыге), карачаевцы на западном Кавказе, которые теперь пользуются политической и культурной самостоятельностью, образуя отдельные автономные республики и области.

Ингуши занимают на Северном Кавказе центральное место поблизости от административного и культурного центра—города Владикавказа. Рядом проходит знаменитая Военно-Грузинская дорога, отделяющая ингушей от осетин. Кругом расположились народности, превосходящие ингушей по численности: кабардинцы, русские (казаки), чеченцы, грузины с хевсурами и упомянутые уже осетины. Центральное положение дает ингушам многие преимущества даже над более культурными их соседями. Эти преимущества выдвигают ингушей на одно из первых мест во всех крупных политических и культурных движениях, охватывающих Северный Кавказ за последние десятилетия. Для того, чтобы понять значение ингушей в ряду других кавказских национальностей, посмотрим на их отношения к прежней русской власти и казакам и на их участие в революции и гражданской войне на Северном Кавказе.

Сто лет назад один из исследователей Кавказа писал: «Ингуши, менее других наклонные к грабительству, почитаются за добрых и кротких людей». К этому времени ингуши, по их просьбе, уже были приняты в русское подданство, обязались охранять Владикавказ и Военно-Грузинскую дорогу от нападений враждебных русским племен и получили обещание, что земли, занятые ингушами на плоскости, останутся навсегда в их владении. Ингуши сдержали свои обязательства и в 40-х годах прошлого столетия приняли самое деятельное участие в отражении наступавшего на Владикавказ известного борца за независимость горцев Шамиля. Однако, 20 лет спустя часть ингушей из крупных селений у выхода из гор была насильственно выселена, и на освободившихся землях по приказу русских властей расположились 4 казачьи станицы. Таким образом, часть ингушских земель была несправедливо отобрана, и жизнь ингуша сделалась очень тяжелой. Земли, годной для обработки, стало меньше, а кормиться на ней должно было то же число ингушей, что и прежде. Часть из них к тому же была разорена переселением. Если подсчитать всю площадь земли, занятую ингушами, то окажется, что в Ингузии на каждую квадратную версту приходилось 44 человека. А при такой густоте населения с трудом можно кормиться земледелием при низком его уровне, обычном у нас в России. Ингушу жё, кроме земли, кормиться нечем: ни кустарных, ни других промыслов он не знает, а фабрик и заводов на его родине нет. Тяжелые условия жизни отразились и на приросте ингушского населения. Ингуши увеличиваются в числе значительно медленнее, чем их соседи—казаки, осетины и кабардинцы, имеющие больше земли и живущие гораздо богаче. Но ингуши не мирятся со своим положением, не хотят вымирать и начинают упорную борьбу с насильниками. Конечно, они не могут действовать открыто, но из «добрых и кротких людей»

в короткое время становятся первыми «абреками» (как называют здесь разбойников) на Кавказе. Грабежи и убийства в станицах и даже среди бела дня во Владикавказе, ограбления поездов, организация целых отрядов, вооруженной рукой отстаивавших права ингушей на жизнь и место под солнцем,—все это слишком осязательным и неприятным образом доказывало русским властям и более привилегированным соседям, что ингуши отнюдь не думают безропотно вымирать. Особенного напряжения достигло положение после революции в 1917 году. И вот казаки решают поугубить ингушей и нападают на одно из ингушских селений (Плиево). Нападение вызывает огромное возбуждение по всей Ингушии. Верховые гонцы всюду поднимают народ, и моментально происходит поголовная мобилизация всех способных носить оружие. Один мой знакомый рассказывал, что он с такой стремительностью поднялся прямо с постели и бросился в путь при этом известии, что уже на коне и в дороге заметил, что позабыл обуться, Ингуши объявляют «священную войну» («газават» называют ее мусульмане) казакам, по старому обычаю собираются на всенародное моление на горе Ачим-борз и приносят в жертву белого быка, как приносили когда-то их предки. Сейчас же избирается военное командование, которому беспрекословно подчиняются все ингушские силы. И вот с конца 1917 по июнь 1918 года, т.е. ровно полгода, Ингушия находится как бы на осадном положении. Всюду вооруженная охрана; патрули осматривают проходящие через Ингушию поезда; все мужское население—с винтовками за плечами.

Окруженные врагами—казаками и, отчасти, осетинами—уступающие им в числе ингуши спасают себя привычкою к военной организации, необычайной подвижностью и стремительностью неожиданных нападений. Так, при внезапном патиске казаков и осетин на одно из ингушских селений (Базоркпно) ингуши, выставив заслон против нападающих,

с необычайной быстротой обрушиваются двумя отрядами на одну из казачьих станиц и одновременно на богатое осетинское селение (Владимирское), которое и уничтожают. После короткой передышки наступают тяжелые времена Деникина. Через Ингушию перекатываются карательные отряды. Все наиболее активные силы ингушей вместе с отступающими отрядами красных скрываются в горах, этой естественной крепости. В стане врагов уже начинают поговаривать о поголовном истреблении ингушей или выселении их в Сибирь, как «неисправимых разбойников». Но Ингушия и не думает сдаваться. Раздавленная на плоскости, затаившись в горных ущельях, она лишь ждет удобного случая, чтобы снова броситься на своих врагов...

Теперь ингуши получили, наконец, возможность нормального развития экономических и политических основ своей жизни. Захваченные казаками земли возвращены им обратно, и в старых казачьих станицах водворяются потомки жителей когда-то выселенных аулов. Ингуши, как равноправные, сначала входят вместе с осетинами и русскими в Автономную Горскую Республику, а с 1924 года образуют Ингушскую автономную область, чтобы на новых началах строить свою национальную культуру. И, надо им отдать справедливость, своей упорной волей к жизни в течение многих десятилетий они сами добились этого. Такая необычайная энергия, такое упорство в борьбе за поставленные цели и выдвинули ингушей на одно из первых мест в ряду превосходящих их численностью, а отчасти и уровнем культурного развития соседей. Остается только пожелать, чтобы героическая борьба этого народа за лучшее будущее нашла своего добросовестного историка-летописца.

ГЛАВА I.

У ингушей на плоскости.

(жилище, пища, правила вежливости и гостеприимства, письменность).

Попробуем теперь посмотреть поближе, как живут ингуши в своих селениях, и для этого сделаем прогулку по одному из них. Далеко из города ехать нам не придется, так как ингушские селения, или аулы, как называются поселки горцев на Кавказе (сами ингуши называют их юртами), начинаются сейчас же под Владикавказом. При въезде в аул вас прежде всего поразит расположение селения. Вы привыкли к тому, что оно раскинулось вокруг площади, где стоит церковь и еженедельно съезжается базар, а от площади расходятся во все стороны улицы. Не то увидите вы в ингушском селении: оно несоразмерно вытянулось вдоль берега реки или дороги. Дорога превращается внутри селения в довольно широкую улицу, прорезывающую его из конца в конец. На улицу выходят бесконечные плетни или, реже, досчатые заборы, из-за которых видны кое-где деревья, да изредка мелькнет в глубине двора черепичная крыша. Ни одного фасада жилого дома или даже задней глухой стены его, как в некоторых старозаветных малорусских или казачьих хуторах, вы здесь не встретите. Два-три домика, выходящих прямо на улицу широко раскрытыми дверями с обычной

традиционной терраской перед входом, оказываются лавочками, в которых, кроме яблок и табаку, трудно найти что-нибудь похожее на товар. Здесь же где-нибудь сбоку вы увидите и мечеть с большим двором—местом религиозных и политических собраний всего аула. От главной улицы кое-где отходят кривые, узкие, огороженные плетнями переулки. Однако не ищите по ним выхода на другую улицу. Очень часто они заведут вас прямо во двор к какому-нибудь нелюдимому хозяину, далеко запрятавшемуся со своим беленьким домиком в гущу дворов и построек. Второй улицы в ауле часто просто не существует, но есть несколько спусков к реке, по которым ингушские красавицы ходят за водой. Здесь же на улице вы встретите и первых ингушей и ингушек. Последних—обычно с ведром воды, и в одежде, часто напоминающей так называемую «городскую одежду» нашей деревни с шалью или платочком на голове и открытым лицом. Мужчины в черкеске, с «кабардинкой» (низкой, отороченной барашком шапочкой) на голове и в черных кожаных туфлях («чувяках») и кожаных ноговицах. Костюм скромен, отличается отсутствием украшений. На ремennom пояске висит обычный кинжал в простых черных ножнах да, в последнее время, огромный неуклюжий «маузер». Только изредка прогарцует верхом на коне какой-нибудь расфуфыренный франт в серебряном оружии, ярком башлыке, со сверкающими калошами на ногах, это—гость, направляющийся по тому или иному торжественному для ингуша случаю в соседний аул или с одного конца селения на другой. Читатель, вероятно, разочарован. «А где же восточная красочность,—спросит он,—где кавказские башни и горы, где похищения девиц и бесконечные мщения—кровь за кровь, о которых много говорят писатели и путешественники. Плетни, невылазная грязь или пыль на улице, привычные лавочки,—да ведь это можно видеть в любой малорусской слободе или казацкой

стаице на юге России! Для этого, право, не стоило ехать в Ингушию». — Погодите, не будьте так нетерпеливы, — все в свое время. Не забудьте, что вы на равнине или на «плоскости», как здесь говорят. А на плоскость ингуши начали выселяться сравнительно недавно: не более 150 — 200 лет назад, и тип плоскостных построек и многие другие подробности быта позаимствовали у своих новых соседей. Не смущайтесь однако внешним обликом, присмотритесь поближе к тому, что делается на улице и в доме, и под обманчивой внешностью вы откроете многое, что вас интересует и даже поразит. Присматриваясь внимательно к тому, как встречаются ингуши друг с другом на улице, вы отметите, например, что обмен приветствиями происходит по определенным правилам: люди строго различаются по летам — наибольшим почетом пользуются старики; более молодые при встрече обращаются к ним по-ингушски: «приветствую твой счастливый путь»; старики степенно отвечают: «дай бог и тебе жить счастливо»; обычное у мусульман арабское приветствие «мир вам» может произноситься только ровесниками. Женщина молча уступает мужчинам дорогу, ни в коем случае не переходя ее, дожидаясь, пока не пропустит последних. Мужчины благодарят ее, желая ее братьям и близким счастливой жизни. Вообще же женщины держатся довольно независимо и бойко разговаривают на улицах со знакомыми мужчинами, что принято далеко не у всех кавказских народностей. Но вот вас приглашают зайти в дом. Вы входите обычно в закоулок и через одностворчатые плетневые ворота попадаете на обширный и пустынный двор. Часто к такому неразгороженному, заброшенному на вид двору — пустырю вдалеке примыкают еще один-два дома, это — постройки ближайших родственников, родных или двоюродных братьев хозяина. Самый дом обращен фасадом во-внутрь двора и производит приятное впечатление чистотой своих выбеленных стен и

опрятностью красной черепичной крыши. Фасад украшен во всю длину узкой крытой терраской с перилами и деревянными столбами. Где-нибудь в сторонке, против дома, вы видите сложенную кукурузную солому—главный корм скота. Сена мало и его приберегают к самому трудному времени—весне. Иногда вы можете заметить, как у входа в баз (помещение для скота) на четырех высоких столбах высятся над землею копна сена, сберегаемого, таким образом, и от скота, и от сырости, и от вора. Но вот интересное незнакомое сооружение привлекает ваше внимание: сплетенная из хвороста, выше человеческого роста, длинная и узкая, не больше 1 аршина в ширину, большая корзина, или, по-местному, «сапетка». Сверху она покрыта миниатюрной двускатной крышей из соломы или из черепицы. Досчатое дно приподнято на четверть от земли и стоит на камнях или кольях. Это распространенное по всему Северному Кавказу сооружение служит для хранения кукурузы в початках, главного хлебного растения, разводимого теперь ингушами и постепенно занявшего у них место прежних проса и пшеницы. Такая узкая, легко проветриваемая сапетка, или «доа», по-ингушски, вполне приспособлена для хранения легко преющей кукурузы в сырую осень и зиму, которыми так отличается здешний климат. Пшеница и просо в зерне для безопасности хранятся где-нибудь возле самого дома под навесом в больших округлых обмазанных глиной сапетках, вместимостью на 30—40 пудов каждая. Муку же, как сокровище, ингуш прячет дома в мешках из козлиной кожи. В особом сарае, в старину в деревянных кадях, выдалбливавшихся из цельного куска дерева, а теперь в больших глиняных кувшинах, бережет ингушский хозяин продукты молочного хозяйства: сыр, масло, иногда мед, и здесь же, на жердях, висят у него курдюк¹⁾ и вяленая

¹⁾ Целиком состоящий из сала хвост особой породы овец.

баранья туша. Рядом, под навесом, лежат кое-какие сельскохозяйственные орудия. Усовершенствованных орудий ингуш пока не знает. Вблизи от сарая вы увидите обмазанный плетневый домик - курятник, круглый или четырехугольный, и в стороне—еще одно такое же сооружение, по мусульманскому обычаю весьма опрятно содержимое—отхожее место. Если вы бросите еще раз взгляд на все эти несложные хозяйственные постройки и запасы хлеба и фуража, вас может поразить какое-то случайное расположение их и очень простое устройство. Собственно, самый двор перед домом опшпрен, пуст, часто неразгорожен, и только один из углов в нем как бы случайно занят этими запасами и сооружениями. Как - будто хозяйством ингуш стал заниматься недавно, не обстроился еще, как следует, не знает, останется ли он надолго на этом месте. Конечно, не все дворы похожи один на другой. Более зажиточные лучше обросли хозяйственными постройками, сараями, навесами, летними кухнями, сапетками для кукурузы и ближе напоминают замкнутое пространство двора, отличающегося своей хозяйственностью и обстоятельностью земледельца Южной России. Но таких мне пришлось наблюдать меньшинство. Особенно наглядная разница получится, если сравнить дворы соседей кабардцев (в Малой Кабарде) или чеченцев на плоскости, отдельные хозяйства которых по чистоте, обширности, благоустроенности и усовершенствованным способам земледелия могут быть прямо поставлены рядом с образцовыми дворами известных своей культурностью немцев-колонистов. Откуда же такая разница? Конечно, не от нежелания ингушей заяться своим хозяйством. В то время, как сосед-казак, поселенный на ингушских землях, получил в свое распоряжение от 3 до 5 десятин на душу, на долю ингуша досталось всего $1\frac{1}{2}$ —2 дес.,—норма, по местным условиям, positively недостаточная. В эти-то $1\frac{1}{2}$ десятины еще не вполне привыкший к земледелию прежний

скотовод-ингуш и вынужден был втиснуть свое неокрепшее земледельческое хозяйство. Развернувшаяся затем борьба с властями и казаками держала ингуша в постоянном напряжении, и ему некогда было вплотную заняться своим хозяйством.

Хозяин давно уже приглашает вас войти в дом, но мы еще не осмотрели база, где содержится скот и лошади. Задержимся на минутку и пройдем в это сооружение приятно выделяющееся во дворе ингуша солидностью и основательностью своей постройки. Баз (и в то же время конюшня) находится обыкновенно в непосредственной близости от дома, часто прямо примыкает к одной из его стен. Он огорожен обычно высоким и крепким досчатым забором и вместе с домом представляет собою как бы одно замкнутое целое. Проникнуть в баз можно часто только через специальный крытый коридорчик, устроенный вдоль короткой стены дома и находящийся под бдительным оком самого хозяина. В противоположность ингушу-земледельцу, в нем виден старый, заботливый и опытный скотовод. А случавшиеся по ингушским аулам кражи скота и лошадей (но лишь в редких случаях—земледельческих продуктов тоже остаток скотоводческих привычек!) лишь сильнее изощряют изобретательность хозяина по части охраны скота. Не часто случалось видеть остроумнейшие способы сигнализации, начиная от веревки, протянутой от запоров конюшни к руке спящего с винтовкой хозяина, и кончая проведенными сигнальными звонками. Несмотря на такую предусмотрительность, кражи все-таки бывают, а на окраинах аул молодежь часто испытывает по ночам бдительность хозяев и нередко слышит ружейные выстрелы. Для постоянного наблюдения за внутренностью база и конюшни хозяин устраивает специальные оконца в примыкающей к ним стене дома, рядом с которым он и спит. Внутри база, если она достаточно велика, имеется открытое пространство, вдоль /рады—навесы,